

Выражение лица Сиху сначала было расслабленным, но при виде только что вышедшего из душа Джехёка в нём мелькнуло удивление. Ленивый взгляд быстро преобразился, когда он приподнял брови и изогнул губы в улыбке.

— Хёк-а.

Вытирая мокрые волосы, Джехёк послушно отозвался:

— Ага.

Взгляд Сиху скользнул по верхней части тела Джехёка, один раз прошёлся по прямой, крепкой линии ключиц. Затем переместился на чётко очерченную грудь и немного затенённые мышцы пресса ниже. Когда его глаза вернулись к груди Джехёка, Сиху сделал многозначительное замечание:

— Выходить вот так — ставит меня в неловкое положение.

Джехёк вздрогнул. Задумавшись, что он сделал не так, он поспешно осмотрел себя. Похоже, выходить в одном полотенце было не самой хорошей идеей.

— Прости, я забыл попросить одежду... Я подумал, что раз мы оба парни, это нормально.

Сиху покачал головой и поднялся. Он медленно направился к Джехёку, застывшему на месте.

— Дело не в том, что мне не нравится смотреть.

Озадаченный тем, что это значит, Джехёк поднял взгляд на Сиху, оказавшегося теперь на расстоянии вытянутой руки. Взгляд Сиху скользил по телу Джехёка так, будто касался его: от прямой линии шеи до ключиц, вниз по изгибам к полотенцу на талии.

Взгляд ощущался как прикосновение, хотя это был всего лишь взгляд. Он напомнил о тайных прикосновениях, которыми они обменялись в машине — о мягком и гладком ощущении руки на его члене, о тепле и покалывающем удовольствии, что, казалось, пронзало позвоночник.

Почувствовав, как снова зашевелилось возбуждение, несмотря на то что он уже кончил, Джехёк сделал шаг назад. Сиху повторил его движение, почти сразу сократив расстояние. Он наклонился и прошептал на ухо Джехёку.

— Я люблю парней, знаешь.

Его карие глаза манили, приглашая.

— Как ты думаешь, о чём я думаю, когда ты почти голый?

Джехёк напрягся в этой почти объятии Сиху. Они были примерно одного роста, но вблизи Сиху всегда казался больше, внушительнее. Джехёк, который был выше среднего роста и редко чувствовал себя физически превосходимым кем-то, счёл эту ситуацию незнакомой, и сердце его начало бешено колотиться.

В комнате воцарилась тишина. Вместо ответа Сиху мягко положил руку на поясницу Джехёка. Его пальцы коснулись рельефных мышц и красиво очерченной талии.

Пальцы, коснувшиеся его спины, казалось, чувствовали каждый миллиметр его кожи, скользя по талии. Возбуждение, которое Джехёк испытал в машине, вернулось. И затем Джехёк понял, что имел в виду Сиху.

...Он тоже был возбуждён, как я?

Эта мысль неожиданно обрадовала Джехёка. Его острые глаза смягчились от смущения, и он поднял взгляд на Сиху с просветлевшим лицом, почти не осознавая этого.

— Ты... хочешь?

Вопрос Джехёка касался того, что они делали в машине — прикасались и ласкали друг друга. Мысль об этом с кем-то другим могла бы показаться отвратительной, но с Сиху это казалось возможным, даже тем, что он хотел бы сделать. И ему было любопытно увидеть реакцию Сиху.

Вместо того чтобы сразу ответить, Сиху продолжал поглаживать поясницу Джехёка. По позвоночнику пробежала дрожь, и рука Сиху медленно двинулась ниже, останавливаясь лишь у основания позвоночника, переходящего в бёдра.

— Я не против.

Джехёк ответил со смесью колебания и твёрдости. Он был искренен. Хотя он был неопытен, он был известен своей способностью быстро учиться. Вспоминая, что делал Сиху в машине, он чувствовал, что сможет ответить взаимностью.

— Как ты думаешь, что я собираюсь делать?

Спросил Сиху с видом, который, казалось, находил ситуацию несколько забавной, будто наблюдал за уверенным, но неосведомлённым человеком.

— То, что мы делали... в машине...?

Сиху наконец расхохотался. Что было смешного? Он низко усмехнулся и затем прошептал на ухо Джехёку:

— Помнишь, я говорил о том, что значит быть снизу?

Конечно, он помнил, хотя всё ещё не до конца понимал, что это значит.

— Ага.

— Я покажу тебе, что это значит.

Обещание научить его заставило Джехёка внимательно слушать. Сглатывая, он ждал, что будет дальше, пока Сиху приближался. Сиху почти коснулся его мочки уха губами, затем посмотрел вниз, и голос его упал до необычно низкого тона.

— Здесь.

Рука, остановившаяся чуть выше бёдер, медленно скользнула под полотенце. Если бы это была талия, возможно, он бы не отреагировал так сильно, но область рядом с бёдрами была местом, где он редко прикасался к себе. Джи Джехёк ахнул и застыл на месте.

Увидев, как он окаменел, Юн Сиху проглотил усмешку, смех застрял у него в горле.

— Это отверстие здесь — то, куда принимают член. Внутри есть место, которое тебе бы очень понравилось, Хёк-а.

Голос Сиху стал ниже.

— Что я хочу сделать, так это засунуть свой член в твою дырочку и просто трахнуть это место.

Просто услышать эти слова было настолько непристойно, что Джехёк почувствовал, как его разум оцепенел. Непристойные высказывания, которые он никогда раньше не слышал, обладали странной способностью возбуждать человека, просто заставляя его понять суть самого действия. Он вообще не мог себе этого представить, но слов «дырка» и «член» было достаточно, чтобы понять контекст. И тот факт, что Сиху применил эти слова к нему, вызвал у него чувство, которому он не мог дать точного названия.

—Даже если ты будешь плакать, что больше не можешь этого выносить, я не остановлюсь. Я просто продолжу трахать тебя.

Его разум кипел до такой степени, что было бы неудивительно, если бы он совсем потерял голову. Мышцы вокруг сердца сжались так сильно, что стало больно. Не осознавая того, его тело начало дрожать.

— Это то, что я хочу сделать. Можно?

Слова были настолько прямыми, настолько далеко за гранью разумного предела, что Джехёк в конце концов крепко зажмурился. Он понятия не имел, как реагировать на подобную непристойность. Ему следовало что-то сказать — что угодно, — но рот не открывался.

Возможно, Сиху заметил дрожащие ресницы, потому что вскоре он убрал пальцы, скользнувшие под полотенце, и отстранился.

При внезапной потере тепла Джехёк приоткрыл глаза. Сиху смотрел на него с тем же выражением, что и раньше. Когда их взгляды встретились, он усмехнулся.

— У меня нет привычки связываться с пьяными. Это была шутка.

Сиху звучал настолько беспечно, что Джехёку не оставалось ничего, кроме как поверить ему. Но то, как он отмахнулся от этого как от безобидной шутки, оставило странное чувство удушья.

Какое выражение лица он должен был показать?

Это был не тот разговор, который должны вести друзья, поэтому, возможно, ему следовало почувствовать облегчение. Возможно, ему следовало радоваться, что это была всего лишь шутка.

Возможно, потому что он трезвел, но только сейчас он вспомнил о том, что они друзья.

— И я не интересуюсь людьми без опыта.

Тон Сиху был небрежным, когда он перечислял свои предпочтения, выражение его лица было спокойным и невозмутимым — в отличие от Джехёка, который был захвачен водоворотом смятения.

Ничего на самом деле не произошло, и всё же это чувствовалось как отказ.

Джехёк позволил этим словам осесть в нём, прежде чем спросил:

— Почему нет?

Он не должен был спрашивать, но вопрос сам сорвался с губ.

Сиху приподнял бровь и окинул его взглядом, словно пытаясь понять его намерения. Под этим испытующим взглядом Джехёк быстро придумал оправдание.

Мы же друзья, так что естественно интересоваться подобными вещами.

— Люди придают слишком много значения своему первому разу. Поэтому мне это не нравится.

Голос его был мягким, но в нём слышалась нотка цинизма.

— Конец важнее начала.

Джехёку не показалось — в голосе Сиху действительно была горечь. То же холодное выражение, которое он носил в баре в тот вечер, мелькнуло на его лице.

— Слово «первый» слишком легко позволяет людям перекладывать всю ответственность на кого-то другого.

С этими словами Сиху сделал шаг назад. Будто желая разрядить атмосферу, он быстро завершил разговор.

— Прости. Я слишком много болтал. Давай переоденемся и поспим. Не хватало ещё опоздать

на тренировку.

— ...Ага.

Джехёк отступил, чувствуя настроение. Но сомнение осталось в груди.

Когда наступила тишина, он поймал себя на мысли о том, какой опыт был у Сиху, что заставило его так думать. Что с ним случилось, чтобы он так считал? Ему казалось, что он почти отчаянно хочет это узнать.

Так много он не знал о Сиху.

И тут его осенило — насколько мало он на самом деле знал. Это было почти нелепо, как они вообще смогли оставаться друзьями все эти годы.

Он всегда думал, что соблюдать определённую дистанцию в дружбе — это нормально, что именно так и должны выглядеть их отношения. Но чем больше он видел, как другие люди общаются друг с другом, тем яснее осознавал, что между ними чего-то не хватает.

Он ничего не знал о прошлом Сиху. Детские истории, которые Ким Иджун упоминал между прочим, неприятный случай, произошедший всего несколько дней назад, — Сиху никогда не рассказывал ему ничего из этого.

И это было не всё.

Он не знал дня рождения Сиху, его увлечений и даже того, что он умеет водить. Он не знал, что у Сиху есть машина, что он живёт один в этом большом доме.

Единственное, что Джехёк знал о Сиху наверняка, — это то, что он ненавидит, когда слишком сильно лезут в его жизнь.

Вот и всё.

Это было единственное, что он узнал, просто проведя достаточно времени рядом с ним.

Джехёк переоделся в одежду, которую дал ему Сиху, и лёг на кровать. Даже когда свет погас, его мысли не останавливались.

Лёжа, он смотрел на профиль Сиху в темноте. Тот всегда спал на спине, сохраняя небольшую дистанцию между ними.

Что-то изменилось.

Был ли он когда-нибудь так любопытен о том, что думает Сиху?

Возможно, годы дружбы притупили его эмоции, но Джехёк не мог вспомнить, чтобы когда-либо

хотел этого так сильно.

Это казалось почти инстинктивным — словно он должен понять Сиху, чтобы остаться рядом с ним.

И он слишком хорошо понимал это.

Но даже так, он хотел знать.

Какая еда тебе нравится?

Когда у тебя день рождения?

Какая у тебя группа крови?

Какие фильмы и музыку ты любишь?

Что ты делаешь, когда не со мной?

Какие у тебя родители?

И кто ты такой, чтобы с ранних лет жить одному в таком большом доме, всегда держа людей на расстоянии?

И самое главное... что ты думаешь обо мне?

Джехёк не спал, перебирая эти мысли в голове, пока усталость наконец не взяла своё.

Когда он уснул, уже почти рассвело.

Прямо перед тем, как закрыть глаза, он бросил последний взгляд на лицо Сиху.

Голубоватый свет, окутывавший его, не был ни утренним, ни ночным — это был цвет, застывший между пурпурным и серебряным, как граница. И почему-то он напомнил ему о Сиху.

Это был цвет, который он видел бесчисленное множество раз, но сегодня ночью он казался незнакомым.

Лёжа на кровати и глядя, как тень от занавески скользит по простыням, Джехёк медленно протянул руку.

Ему хотелось коснуться света, лежавшего на лице Сиху.

Но когда его большая ладонь накрыла его черты, свет исчез.

Осталась лишь тёмная тень, принявшая форму его пальцев.

Увидев, как быстро свет исчез под его прикосновением, Джехёк тихо выдохнул.

Почему-то этот мимолётный миг — эта маленькая, недостижимая вещь — казалась ему необъяснимо печальной.

<http://bllate.org/book/13227/1744732>